

Проблемы вузовского образования в современной России

Сергей Рыбаков

Российское руководство не раз заявляло: «Россия может и должна стать конкурентоспособной»¹.

И хотя сама эта установка показывает, что во властных коридорах степень конкурентоспособности страны оценивается не слишком высоко, факт появления такой формулы заслуживает позитивной оценки, ибо термин «конкурентоспособность» не притягивается здесь к досужим разговорам о будто бы фатальной неконкурентоспособности России и о предначертанном ей прозябании на задворках исторического прогресса. Подобные разговоры ведут те, кто хотел бы оправдать утрату нашей страной ведущих позиций в глобальном экономическом и политическом соревновании и затормозить движение к восстановлению ее конкурентоспособности.

Знание по-прежнему – сила

Если Россия не отказывается от участия в планетарном соревновании, то ей нужны надежные инструменты, позволяющие это участие сделать успешным. Одним из них является система образования. Крылатым словам Фрэнсиса Бэкона «Знание – сила» испол-

нилось четыре века, но они ничуть не утратили своей актуальности. Интеллектуальные ресурсы имеют не меньшую значимость, чем ресурсы материальные.

Образование заняло прочное место в национальной стратегии Китая, Фран-

РЫБАКОВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). E-mail: istoric-ek@mail.ru

Ключевые слова: конкурентоспособность, высшее образование, реформы в сфере образования, коммерциализация вузов, Болонский процесс, «компетентностный» подход, кредитно-модульная система.

ции, Германии, Японии, Южной Кореи, Финляндии, Канады, где в нем видят безотказное средство научно-технологического и экономического развития. Масштабные вложения в образовательную сферу, сделанные за последние десятилетия в этих странах, уже неоднократно окупились.

В последнее время и в России много говорится о необходимости обновления и совершенствования системы образования. При этом вопрос о целях и методах ее обновления часто остается в стороне. Чем больше с различных трибун произносится слов о реформировании российской высшей школы, тем все более настоятельной становится потребность отделить разговор о сути реформ от лукавой и бесполезной риторики.

Этой риторикой наполнены выступления сторонников «революционного» перепахивания нивы образования, требующих избавить ее от влияния «косных» традиций.

Сегодня с подачи американцев Гордона Драйдена и Джаннетт Вос, авторов книги «Революция в обучении», активно тиражируется тезис: «Знания превращаются в источник стоимости, и поэтому происходит переход от концепции функциональной подготовки к концепции развития и самореализации каждой отдельной личности»². Этот тезис служит наглядным примером того, как формально правильными фразами затемняются простые сущности.

Разве в прошлом знания не являлись источником стоимости?

Зачем нужно противопоставлять «функциональную подготовку» и «самореализацию отдельной личности»?

Квалифицированные специалисты повышают уровень своих знаний не только ради «функциональной подготовки», но и ради собственной самореализации, которая не может быть полноценной без конкретных навыков и умений.

Псевдореволюционные наскоки на систему образования не безобидны. Она нуждается не в «революционной» ломке, а в продуманном и взвешенном реформировании. Никто не спорит с тем, что образование не может и не должно стоять на месте, что ему вредна статичность. Понятно, что знания устаревают пропорционально нарастанию новой информации, и если специалист не пополняет и не обновляет свои знания, его квалификация начинает отставать от требований времени и неизбежно снижается. Качество профессионализма во многом определяется именно вниманием профессионалов к собственному культурно-образовательному уровню.

Так что же следует из этих несложных констатаций? Прежде всего то, что именно необходимость динамичного совершенствования образовательной системы не позволяет отдавать ее во власть рыночной стихии, отпускать ее на «волю волн», требует привлечения плановых начал в ее развитии, определения точного вектора ее движения, понимания методик ее совершенствования.

Верная методика – это всегда точный баланс между новациями и традициями.

Новации «отвечают» за динамику развития, традиции – за устойчивость системы.

Устойчивость никак нельзя сбрасывать со счетов: без нее пострадает социокультурная миссия образования, нацеленная на обеспечение связи времен, на передачу молодежи норм и эталонов культуры, на усвоение накопленного за века познавательного опыта, на формирование смысловых ценностей и приоритетов, на сохранение нравственно-этических скреп социума.

Чем отчетливее выражена социокультурная направленность образования, тем выше и правовая культура общества, и способность людей адаптироваться к внешним переменам, и

качество принимаемых решений на всех этажах социальной жизни. Отсюда следует вывод: нельзя экономить на образовании. Здесь, разумеется, не обойтись

без значимого уточнения: нельзя экономить на хорошем образовании, а на плохом образовании экономить не только можно, но и нужно.

«Девальвированное» образование

Какой оценки заслуживает нынешняя российская система образования? Увы, ее качество трудно назвать блестящим. Если еще пару десятков лет она, по оценкам ООН, входила в когорту лучших, то теперь, согласно ооновским данным, откатилась в третий десяток мировой «табели о рангах». Ныне на верхах российской власти заговорили о том, что пора разгрести ворох проблем, накопившихся в образовательных учреждениях страны, пора вплотную заняться качественными характеристиками образования и отказаться от бесплодной погони за количественными показателями.

Еще в 2004 г. Владимир Путин, будучи президентом страны, отметил в Послании Федеральному Собранию: «Более половины выпускников не находят работу по специальности. Массовый охват высшим образованием сопровождается снижением уровня преподавания. При этом по сравнению с советским периодом почти утроился прием в вузы, и число поступающих в них практически сравнялось с числом выпускников средних школ. Ну кому это надо?»³.

Действительно, с количественными пропорциями системы образования произошло что-то неладное: если в РСФСР насчитывалось немногим более 450 вузов, то в постсоветской России их число перевалило за 2 тыс. – и это без учета филиалов, количество которых также велико.

По сравнению с советским временем доля студентов на 10 тыс. населения утроилась.

Казалось бы, чем больше вузов, тем выше уровень образованности людей. Но в России эта логика не действует. Большое количество вузов не только не гарантирует высокого качества образо-

вания, но и заметно снижает качественные показатели, в отдельных случаях доводя их до недопустимо низкого уровня.

Не так давно министр образования А.Фурсенко вынужден был признать, что хороших вузов на всех желающих получить высшее образование в России явно не хватает⁴.

Нехватка хороших вузов связана с недостаточным числом подготовленных и квалифицированных преподавателей.

Если количество студентов с 1995 г. выросло почти в 2,5 раза, то штаты преподавателей увеличились только на 20%.

Молодежь на преподавательскую работу идет неохотно, стремясь в частный бизнес или на госслужбу, а нередко ищет счастья за рубежом.

Качественный уровень профессорско-преподавательского состава за прошедшие 15–20 лет снизился.

Более половины нынешней профессуры – люди пенсионного возраста.

Сокращение вузов уже началось. Пока сокращают филиалы, которых за последние год-два стало меньше примерно на треть.

За последние два года было закрыто 99 филиалов и 352 представительства вузов Рособразования.

На ближайшие годы значительное сокращение намечено для университетов.

Федеральным агентством по образованию подготовлен документ, в котором говорится, что в ближайшие два года количество университетов может сократиться с 344 до 230–250.

Глава Рособнадзора Л.Глебова обещает существенно ужесточить процедуру лицензирования и аккредитации ву-

зов⁵. Особенно усложнятся условия выживания коммерческих вузов.

Мнение о раздутом количестве вузов высказал и Президент страны Дмитрий Медведев: «Безусловно, высшее образование подверглось девальвации. Мы получили огромное количество высших учебных заведений, часть из которых

никуда не годится. Оптимальное количество университетов должно быть существенно меньше, чем сейчас»⁶. Едва ли Президент страны стал бы без особой надобности употреблять слово «девальвация».

Где корни и истоки этой девальвации?

В плену тотального рынка

В 90-е годы идеологией правящих верхов стала апологетика всесильного рынка, на практике означавшая культ денег, фетишизацию получения прибыли и конкурентной жесткости. В те годы отечественное образование, впервые в российской истории, было отправлено в свободное плавание по волнам рыночной стихии. Высшую школу сильно лихорадило, многие вузы оказались перед угрозой закрытия.

В кабинетах «младореформаторов» была составлена либерально-рыночная схема реформирования вузовской системы. Они стали явочным порядком урезать финансирование высшей школы, доведя его до мизера в полтора государственного процента вместо трех, зафиксированных в Федеральном законе об образовании. Университетам и институтам было велено зарабатывать деньги, набирая студентов на платное обучение, сдавая институтские площади в аренду коммерсантам, проводя разные коммерческие акции. Началась статусная чехарда: институты становились университетами, университеты – академиями. Чаще всего новые вывески оказывались только фикциями.

Для привлечения максимального числа абитуриентов осваивались разнообразные пиар-технологии. Повсеместно расширялась номенклатура специальностей, для чего, как правило, не имелось ни юридических оснований, ни подготовленных преподавателей. Фа-

культеты и кафедры, принимая молодых людей на платное обучение, заведомо занижали требования к уровню их подготовки, лишь бы те вовремя платили за свое пребывание в вузе. В те годы возникло множество коммерческих вузов, их рост шел по геометрической прогрессии. Процедура лицензирования и аккредитации была несложной, фактически формальной.

После ухода с политической арены Б.Ельцина новое правительство предприняло кое-какие меры для того, чтобы затормозить деградацию сферы образования. В 2001 г. Владимир Путин заявил, что государство должно сохранить контроль над этой сферой.

Был принят документ под названием «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», где говорилось: «Произшедший в 90-х годах общесистемный кризис сильно затормозил позитивные изменения. Государство ушло из образования, которое вынуждено было заняться самовывживанием, в значительной мере абстрагируясь от реальных потребностей страны»⁷.

Были предприняты некоторые практические меры для поддержки образования, в частности – увеличились бюджетные расходы на его развитие.

Но к тому моменту уже прочно укрепились позиции тех, кто не желал отрывать образование от «свободного рынка».

А.Фурсенко не смущаясь заявлял: «Профессиональное образование должно стать непрерывным и высокодоходным бизнесом»⁸.

Михаил Фрадков, председатель правительства в 2004–2007 гг., поддержал министра, обмолвившись, что определять, «чему и как учить, должно бизнес-сообщество», а не кто-либо иной⁹.

Но крупный капитал не торопился оказывать реальную помощь государству в развитии образования, предпочитая размещать свои накопления в зарубежных банках или вкладывать деньги в иностранные футбольные клубы и в

шикарные виллы на лазурных берегах. Между тем отечественное образование продолжало деградировать: многие учебные заведения «сбрасывались» с федерального уровня на местные бюджеты, были отменены льготы по налогам для предприятий, вкладывавших свои средства в развитие учебных заведений, прекратилось государственное распределение выпускников вузов.

Что стоит за «доступностью» высшего образования?

В 2004 г. В. Путин заявил о том, что высшее образование должно быть доступным для детей из малообеспеченных семейств¹⁰.

Доступность он, по сути дела, ассоциировал с бесплатностью образования. Смысловая переключка между этими двумя понятиями очевидна. Есть страны, где высшее образование доступно именно потому, что стало бесплатным: Швеция, Норвегия, Финляндия, Бельгия, Ирландия, Чехия. С некоторой оговоркой к таким странам можно причислить Канаду, Германию, Францию.

Что касается России, она в перечень таких стран не входит, хотя часть нашего студенчества учится в государственных вузах бесплатно и даже имеет право на стипендию (почему-то это не нравится советнику российского президента А. Дворковичу, выступившему за отмену стипендий¹¹).

В последние годы количество бюджетных мест в вузах страны неуклонно сокращалось, а число студентов, обучающихся на платной основе, наоборот, росло (особенно четко эта тенденция прослеживается на факультетах, ведущих подготовку гуманитариев, экономистов, юристов, психологов).

За последние 10 лет доля «платников» в государственных вузах увеличилась с 23 до 57%, а если брать абсолютные цифры, то получим их шестикратное увеличение.

Внешней разницы между дипломами, выдаваемыми государственными и коммерческими вузами, нет. Зато есть весьма существенная разница в качестве обучения: в государственных вузах оно по объективным причинам выше, чем в частных. Государственные вузы обладают более солидными материальными активами в виде собственных, а не арендуемых помещений, развитой инфраструктурой, включающей студенческие и аспирантские общежития, комбинаты питания, экспериментально-лабораторную и производственную базу, спортивные залы и стадионы, клубы и актовые залы. Не нужно сбрасывать со счетов и то, что зовется «нематериальными активами», – опыт и навыки профессорско-преподавательского состава, развитые традиции студенческого самоуправления и организации молодежного досуга (театральные кружки, спортивные, туристические секции, стройотрядовское движение).

Однако при всех преимуществах государственных вузов, поступающие туда «платники» немногим отличаются от студентов коммерческих вузов. Среди и тех, и других преобладают ребята, закончившие среднюю школу с низкими баллами в аттестатах. Осилить полновесную вузовскую программу им трудно. Преподавателям приходится изрядно занижать требования к ним, что «рикошетит» по

студентам, обучаемым на бюджетной основе. Из-за упрощения материала эти студенты недополучают знания, которые способны усвоить. В итоге общее качество преподавания неотвратно падает.

Есть еще одна, не видимая со стороны, проблема платного образования.

Многие студенты, обучающиеся на платной основе, нередко оказываются перед дилеммой: «Учиться или зарабатывать деньги на учебу?». А зарабатывать на учебу приходится, как правило, за счет самой учебы.

Кто-то из «платников» добивается в деканатах разрешения на свободный график посеще-

ния занятий, кто-то пропускает лекции без всяких разрешений.

Для деканов излишняя строгость к ним является «экономически нецелесообразной»: выставить «платника» за двери вуза – значит, потерять прибыль, которую тот приносит. Приходится проявлять снисходительность.

Исключают в первую очередь тех, кто по каким-то причинам перестает платить.

Впрочем, и студентам, доучившимся до защиты дипломов, никто не дает однозначных гарантий: защитят ли эти студенты свои дипломные проекты – вопрос, который, кроме них самих, мало кого волнует.

Как устроиться на работу армии менеджеров?

Коммерциализация вузов привела к резким диспропорциям между поступающими на различные специальности. Желая стать инженерами, педагогами, врачами в пять-шесть раз меньше, чем тех, кто мечтает о карьере юриста, менеджера, финансиста.

В верхних эшелонах власти знают об этих перекосах.

Еще в начале «нулевых» Герман Греф, возглавлявший министерство экономики, заявил на заседании правительства: «Мы создаем немыслимое количество вузов, готовящих бухгалтеров, у нас скоро вся страна станет бухгалтерами... Численность их уже, наверное, выше, чем численность армии и милиции, вместе взятых»¹².

На непропорционально большое количество выпускаемых вузами юристов, финансистов, менеджеров обратил внимание и президент Дмитрий Медведев: «Вопрос в том, что это за специалисты. Когда я учился в университете, у нас было, по-моему, два учебных заведения в Ленинграде, которые готовили юристов. А когда я уезжал из Петербурга в 99-м году, их было уже 50».

По мнению Медведева, проблема состоит в том, что огромное количество выпускников-специалистов готовят не-

профильные вузы: «Понятно, какие от туда специалисты выходят»¹³.

Проблема заключается в том, что многим студентам нужны не столько знания, сколько дипломы, воспринимаемые ими как некий атрибут имиджа, знак престижа, свидетельство личной успешности. Осваивать рабочие специальности эти ребята не хотят: дает себя знать специфическая «профориентация», заполнившая все доступные для молодежи информационные ниши. В ожидании вузовских дипломов молодые люди отодвигают сроки обзаведения семьями, детьми, собственным жильем. Между тем, на многих промышленных предприятиях наблюдается дефицит квалифицированных рабочих, обладающих навыками работы на современном оборудовании. Количество выпускников профтехучилищ покрывает лишь пятую часть потребностей промышленности в рабочей силе. Производственные вакансии приходится заполнять за счет трудовых мигрантов, квалификация которых редко устраивает администрацию заводов. Дефицит рабочих рук – цена, которую экономика вынуждена платить за показную доступность высшего образования.

Кафедры, поставившие на поток выпуск менеджеров, бухгалтеров, юристов, преуспевают в рекламе, несколько фальшиво называемой «профессиональной ориентацией молодежи». На самом деле эта реклама является дезориентацией молодежи, ибо ничего не говорит о том, что массы финансистов и менеджеров сегодняшнему рынку труда не нужны.

Интересы рынка труда и рынка «образовательных услуг» не только не совпали, но и заметно разошлись.

Проблемы вузовской науки

Одной из актуальнейших задач совершенствования высшего образования является его соединение с наукой. Очевидно, что в отрыве от науки вузовская система обречена на прозябание. В верхах это понимают, принимая некоторые меры для укрепления связей высшей школы с прикладной наукой. К примеру, в последние годы была создана сеть производственно-технологических центров, действующих в кооперации с ведущими техническими вузами. Но это лишь первые шаги, и сделать предстоит гораздо больше, чем сделано до сих пор.

В европейских и международных рейтингах российские университеты не занимают высоких мест. Считается, что они недостаточно связаны с большой наукой. В США, Европе, Японии университеты – это не просто образовательные заведения, это научно-образовательные комплексы, где занятия студентов наукой встроены в систему получения ими знаний.

В задачи зарубежных университетов входят помимо подготовки специалистов фундаментальные и прикладные исследования по всем научным направлениям. Доля ассигнований на вузовскую науку там заметно выше, чем у нас. Среди научных трудов, публикуемых в

Сейчас стране нужны не менеджеры, готовые управлять чем угодно, а технические специалисты, инженеры, понимающие производство и способные с пользой для общества трудиться на предприятиях электроники, электроэнергетики, машино- и станкостроения, химической промышленности, лесопереработки. Эти отрасли нуждаются в технологически грамотных кадрах, и без высшей школы кадровые проблемы отраслей материального производства не решить.

этих странах, на университетских ученых приходится две трети всех публикаций. Заниматься наукой в зарубежных вузах престижно и выгодно.

Польза от слияния научных и образовательных задач несомненна. Сочетая научную и преподавательскую деятельность, профессура получает возможность всегда быть в курсе научных достижений и знакомить с ними студентов. В российских вузах подобная практика пока эпизодична, поскольку далеко не во всех из них наука является приоритетным вектором деятельности. Внимание ей уделяется в крупных университетах и институтах, имеющих давние научные традиции. В провинциальных же и коммерческих вузах наука фактически отсутствует, если не сводить ее к формальным отчетам, периодически собираемым ректорами с кафедр.

В тех вузах, где наука присутствует, она нередко держится на одном лишь энтузиазме. Профессорско-преподавательский состав не очень-то заинтересован заниматься наукой, требующей затрат личного времени и личных же средств для участия в выездных научных конференциях, для издания научных трудов. Большинство преподавателей больше думает о добывании дополнительных заработков на различных

коммерческих курсах. Думать о повышении научной квалификации им просто некогда. Полноценной научно-исследовательской работой в российских вузах занято не более 20% преподавательско-

го состава. Превышение этого числа наблюдается лишь там, где ректораты поощряют сотрудников, находящихся силы и время на науку. Но примеров такого подхода не так уж и много.

По чужим лекалам

В последнее время сделаны некоторые практические шаги для повышения качества отечественного высшего образования. Самые заметные из них связаны с созданием «вузов нового поколения». Кроме «уникальных» Московского и Санкт-Петербургского госуниверситетов, к «вузам нового поколения» отнесены семь федеральных университетов, создаваемых по региональному принципу. Им отведена роль маяков, флагманов высшей школы, на которые следует равняться остальным вузам. По задумке, они должны сосредоточить материально-финансовые и кадрово-интеллектуальные ресурсы для того, чтобы в недалекие сроки подняться до лучших мировых образцов. Их фора перед другими вузами заключается в повышенных объемах финансирования для строительства учебных корпусов, оснащения лабораторий, приобретения современного научного оборудования и аппаратуры.

Однако для того чтобы федеральные университеты действительно превратились в «вузы нового поколения», их нужно избавить от инерции, накопленной за годы всевластия тотального рынка. Рассчитывать на скорое преодоление такой инерции не приходится: представление о высшей школе как об одной из разновидностей бизнеса пустило прочные корни. «Саморегулирующийся» рынок продолжает удерживать вузовскую систему в своих сетях.

Другой отличительной чертой нынешнего этапа развития российского высшего образования стало внедрение

многих элементов, заимствованных из образовательных систем стран Запада. Так, по приказу министерства образования в большинстве вузов Российской Федерации прекратили набирать студентов на специалитет и стали принимать их только на бакалавриат и в магистратуру. Двухуровневая схема высшего образования повторяет англосаксонскую образовательную модель, в которой бакалавриат и магистратура существуют как два изолированных друг от друга «этажа» – общедоступный и элитарный. Как эта схема выглядит на деле, показывает пример США, где 9/10 всех вузов не занимаются магистерской подготовкой. Элитное, высококачественное образование в Штатах получают лишь те, кто платит за него большие деньги.

Теперь эта схема укореняется и в России. Для подготовки бакалавров отводятся сокращенные на год по сравнению со специалитетом сроки обучения. На бакалавриате заметно урезаются часы, отводимые на изучение гуманитарных дисциплин. Мировоззренческий, культурный аспект образования оказывается для бакалавров в определенной мере заблокированным. Поступление в аспирантуру для них также не предусмотрено. Многие вузы, особенно периферийные, могут остаться без аспирантуры, а значит, могут потерять право на подготовку собственных научно-педагогических кадров.

Адаптация к англосаксонской модели образования потребует от российских вузов довольно продолжительного времени. Это означает, что страны, высту-

пившие в роли «законодателей мод», получают дополнительные преимущества в глобальной конкурентной гонке.

Конечно, нельзя отвергать с порога любое заимствование зарубежного опыта. Однако когда заимствование превращается в механическое копирование, то ничего, кроме вреда, не приносит. Это касается и двухуровневой системы высшего образования. Уже всем понятно, что бакалавров придется доучивать на производственных предприятиях и доводить до уровня специалистов. Странно, что эта схема внедряется в условиях, когда техническое отставание России от Запада, и уже не только от Запада, становится все более опасным для нее.

Сегодня российскому вузовскому сообществу навязывается некий новояз, в котором трудно обнаружить сколько-нибудь актуальное содержание. Речь идет о попытках внедрить в наших университетах так называемый «компетентностный подход», являющийся безликой копией применяемых на Западе методик. Одно перечисление «компетенций» – «инструментальных», «социально-личностных», «общенаучных», «общекультурных» и тому подобных – навевает ощущение чего-то неистребимо формального. «Начинка» «компетенций» напоминает программу воспитания детей дошкольного возраста: приобретение навыков, способность ориентироваться, умение извлекать информацию, получение представлений, закрепление представлений, способность раскрыть общие характеристики, умение использовать основные категории, готовность работать с информацией, умение излагать содержание и тому подобные тривиальные вещи.

Проводники «компетенций» убеждают всех, что заботятся о результатах обучения, которые, по их уверениям, важнее самого процесса обучения. Но, не обеспечив высокого качества процесса,

наивно ждать в конце его качественных результатов. К тому же если учебный процесс без проблем поддается различным способам и приемам проверки, укладываемым в уже давно отшлифованный алгоритм, то насколько реально проверить результаты этого процесса, да еще и комплексно? Для этого нужно, чтобы выпускники вузов устраивались на работу строго по специальности, а работодатели в течение какого-то срока отсылали бы объективные характеристики на них. Кто станет этим заниматься?

Опытная профессура видит в «компетенциях» пустую схоластику, не имеющую никакого смысла для практической педагогики. В отечественной образовательной практике утвердилось понятие «квалификация». Оно более объемно по смыслу, чем «компетенции», и вбирает весь комплекс знаний, умений и навыков, необходимых профессионалу.

«Квалификация» означает «круг обоснованных мотиваций, прав, полномочий». Она означает и «компетентность», но эта «компетентность» отличается от банальных, скалькированных с чужих образцов «компетенций». Она понимается у нас как осведомленность, умение грамотно и оперативно претворять теорию в практику, готовность решать сложные и неординарные задачи.

«Компетенции» же, навязываемые нашей высшей школе, есть всего лишь, по словам чиновников Минобра, «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области»¹⁴. В этой трактовке они совсем не связаны с понятием «опыт», не ориентированы на запросы и интересы социума. Заимствованным «компетенциям» далеко до компетентности в том ее виде, который стал у нас традиционным, но они, подобно безвредному вирусу, проникшему внутрь системы, уже делают свое разру-

шительное дело. Достаточно сказать, что термин «квалификация» из профессионального лексикона высшей школы уже почти вытеснен.

Еще одной новацией, внедряемой в образовательную практику, стала кредитно-модульная система. Модульный принцип направлен на снижение аудиторных занятий для студентов и увеличение времени на самостоятельное штудирование ими учебного материала. По замыслу, этот принцип призван облегчить студентам свободный переход из одного университета в другой. Режим кредитных единиц должен дать студентам, настроенным на обучение в разных вузах, возможность набрать определенное количество баллов по заранее оговоренным нормам с тем, чтобы можно было претендовать на защиту диплома. Любителям «образовательного туризма», число которых в потенциале достаточно велико, эта схема, наверное, понравится, но она требует больших затрат, и потому ее сложно стыковать с суровыми реалиями жизни.

Подавляющее большинство студентов переходить из одного вуза в другой не торопится, но кредитно-модульная схема, тем не менее все-таки внедряется. Она выливается в погоню студентов за баллами, набираемыми по результатам многочисленных тестирований, отнимающих время, которое могло бы пойти на живое общение с преподавателями. Молодые люди, которые хотят приобрести системные знания, в таком общении по-прежнему нуждаются.

Модульная система, как и двухступенчатое обучение студентов, явилась порождением небезызвестного Болонского процесса.

В июне 1999 г. министры образования Великобритании, Франции, Германии и Италии подписали в Болонье декларацию с призывом к интернационализации вузовского образования в масштабах Европы за счет «содействия мобиль-

ности путем преодоления препятствий для эффективного осуществления свободного передвижения»¹⁵.

Основной идеей Болонского проекта является превращение образования в активный сегмент рынка. В Болонской декларации также заложено намерение подготовить почву к созданию в перспективе единого общеевропейского этноса.

Но причем здесь Россия?

Болонская декларация о ней не упоминает. Россия в лице чиновников Минобра сама присоединилась к Болонскому процессу через четыре года после его начала. А рекламировать Болонскую систему ее российские сторонники принялись еще до окончания спора, развернувшегося в Европе по ее поводу. Они заявляли, что «в ситуации начала очень масштабного не только образовательного, но и социального процесса в Европе, Россия, как всегда, оказывается перед выбором. На самом деле выбор небогат, ведь альтернатива Болонскому процессу – развить свою национальную систему – является химерой». Их самый «весомый» аргумент в пользу присоединения России к «Болонскому процессу» сводился к тому, что Европа теперь, дескать, должна признать дипломы российских вузов, а коли не признает, «рано или поздно это станет непреодолимым препятствием для выпускников российских вузов на интернациональном рынке труда»¹⁶.

Но выпускники ведущих российских вузов – МГУ, МФТИ, МГТУ имени Баумана – и так без больших проблем устраиваются на работу в западных фирмах. Вопрос о признании дипломов больше касается институтов-середняков, ректоры которых, может быть, и хотели бы, не тратя усилий, «оказаться в Европе». Но если такое признание и случится, то российскому образованию в целом оно пользы не принесет, а лишь оттенит пе-

рекосы, накопившиеся в нем за последние годы. К тому же пока российская система образования функционирует за счет привлечения собственных управленческих и педагогических кадров, опирающихся в основном на свой, а не заимствованный опыт, она воспринимается в Европе как конкурент тамошней системы образования. Вот если ректоры, деканы и преподаватели российских вузов согласятся, чтобы их места заняли выпускники европейских университетов, если из повестки дня будет изъята задача подготовки специалистов для российского рынка труда в пользу специалистов из других стран, тогда европейцы, может быть, и согласятся признать российские дипломы.

Сейчас выясняется, что в европейской интеллектуально-академической среде у Болонской декларации противников ничуть не меньше, чем сторонников. Тем, кто не принял ее, больше всего

Некритически осмысленные заимствования ставят нашу высшую школу перед риском пустить на поток выпуск дилетантов. Уже сейчас в России перепрофилирование при устройстве на работу тех, кто получил вузовский диплом, приобрело массовый масштаб. Становится понятно, что реформы высшего образования застревают в области внешних форм и модных изысков, уводятся в сторону от главного – от содержания.

Когда-то не наша страна заимствовала у Запада опыт развития образования, а наоборот Запад перенимал многое у нас. Это было в середине XX в., после прорыва Советского Союза в космос.

Преимущества нашего высшего образования опирались на фундаментальную науку и универсальные знания. Оно являлось первостепенным приоритетом, потому что ставились масштабные исторические задачи: проведение индустриализации, развитие ядерной энергетики, выход в космос. Решение этих задач связывалось с подготовкой нужного количества квалифицированных специалистов в ведущих областях науки.

Опыт тех лет до сих пор не потерял актуальности – особенно в свете модернизации, трактуемой в верхах российской власти как ключевая цель государства. Важнейшей частью модернизационной стратегии должно стать повышение качества высшего образования России, противостояние стихийности и спонтанности в развитии российской высшей школы.

не нравится кредитно-модульная система, которая оставляет тех, кто завершил обучение, со сложным «ассорти» из бессистемных знаний и представлений.

Какой диплом выдавать обладателям таких «ассорти»?

«Черт знает, какой», – отвечает Кароль Сигман, французский специалист, координатор международного форума по проблемам реформы образования. Он предостерегает: «Политика ЕС ведет к уничтожению диплома как ориентира для установки шкалы зарплат»¹⁷.

Элитарные европейские вузы типа Кембриджа или Парижского института политических наук отказались от участия в Болонском процессе.

Потомки европейской элиты продолжают получать качественное образование, в то время как детей из рядовых семейств соблазняют «образовательным туризмом» с перспективой получения дипломов, не воспринимаемых работодателями.

Примечания

¹ Станет ли Россия страной-мечтой? URL: konkurent-krsk.ru/index.php?id=2889

- ² Драйден Г., Вос Дж. Революция в обучении. Научить мир учиться по-новому. М., 2003. С. 5.
- ³ Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию 2004 года. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.88331.html>
- ⁴ Количество вузов в России будет сокращено URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=343566&cid=1>
- ⁵ Глава Рособнадзора: нельзя допустить, чтобы университетом назывались две комнаты и три стула. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=405775>
- ⁶ Медведев считает, что России нужно значительно меньше вузов. URL: http://ria.ru/edu_higher/20101111/294834970.html
- ⁷ Концепция модернизации Российского образования на период до 2010 года. URL: <http://www.mma.ru/article/id10055>
- ⁸ Выступление министра образования и науки Российской Федерации Андрея Фурсенко на совещании с главными редакторами региональных СМИ и руководителями пресс-служб органов управления образованием субъектов Российской Федерации. URL: <http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/768/>
- ⁹ Михаил Фрадков выступил с апрельскими тезисами. URL: http://www.ofdp.ru/news/_news150404at123008/full.shtml
- ¹⁰ Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию 2004 года. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.88331.html>
- ¹¹ Заявление Дворковича об отмене стипендий вызвало бурную дискуссию в блогах. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/01/20/n_1664686.shtml
- ¹² Бухгалтеров в России слишком много, считает Греф. URL: <http://www.klerk.ru/buh/news/62849/>
- ¹³ Медведев: В России слишком много вузов. URL: <http://news.zn.ua/articles/68886>
- ¹⁴ О переходе на уровневую систему и федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования. URL: www.klgtu.ru/ru/about/nms/urovn/urov1.doc
- ¹⁵ Болонский процесс. URL: bologna.spbu.ru
- ¹⁶ Плюсы и минусы Болонского процесса. URL: old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030407_mitr.html
- ¹⁷ Болонский процесс в России. URL: <http://bologna.mgimo.ru/>

Подписка на 2012
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие
36789 — на год